

ВОДА В РУМЫНСКИХ ЗАГОВОРАХ И ЗАГОВОРАХ РОМАНОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОЛИНЫ РЕКИ ТИМОК

В статье понятие «вода» рассматривается как в узком функциональном плане в качестве одного из элементов предметной сферы акционального компонента заговора (действию), так и в качестве словесного образа в его вербальном компоненте (тексте). В качестве основного источникового материала автором статьи были выбраны румынские заговоры конца XIX — начала XX в., представленные в собраниях румынских исследователей С. Фл. Мариана, Е. Никулицэ-Воронка, Э. Ходоша, А. Горовея, а также заговоры романоязычного населения долины реки Тимок из собраний исследователя К. Санду-Тимока, современных исследователей С. Гацовича и В. Попович, а также зафиксированные автором статьи и Н. Г. Голант в ходе экспедиций 2018 и 2019 гг. в восточную Сербию тексты и описания ритуалов заговоров. В статье приводятся названия типов воды, используемых в заговорах румын и романоязычного населения восточной Сербии. На примере одного из заговоров из собрания С. Фл. Мариана демонстрируется тесная связь между акциональным и вербальным компонентами заговора, в которых вода играет организующую роль и представлена в динамичном процессе перехода из одного условного типа в другой (проточная, специальная, заговоренная и т. д.). Вода является основным элементом многих лечебных и любовных заговоров, а также гадательных практик. В изложенных примерах показано, что в заговорах вода наделяется особой магической силой и является элементом, объединяющим акциональный и вербальный компоненты.

Ключевые слова: румынские заговоры, заговоренная вода, акциональный компонент, заговорный текст, предметный компонент

Ссылка при цитировании: Рыжова М. М. Вода в румынских заговорах и заговорах романоязычного населения долины реки Тимок // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 228–245.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-2/228-245

Original article

© *Maria Ryzhova*

WATER IN ROMANIAN INCANTATIONS AND IN THE INCANTATIONS OF THE ROMANIAN-SPEAKING POPULATION OF THE TIMOK VALLEY

The article considers the concept of water both in the narrow functional plane as an element of the subject sphere of the actional component of an incantation and as an image in its verbal component (in text). The main sources of the study are the Romanian spells of the late 19th and early 20th centuries, represented in the collections of Romanian researchers such as S. Fl. Marian, E. Niculice-Voronca, E. Hodos and A. Gorovei, the incantations of the Romanian-speaking population of the Timok River valley collected by C. Sandu-Timok, contemporary researchers S. Gacovici and V. Popovic, as well as texts and descriptions of incantation rituals collected by the author together with N. Golant in expeditions to the Eastern Serbia in 2018 and 2019. The paper presents different names of the types of water used in Romanian incantations. Using the example of an incantation from the collection of S. Fl. Marian the author demonstrates the close connection between the actional and verbal components of the incantation, where water plays an organizing role and is represented in a dynamic process of transition from one type to another (flowing, special, incantated, etc.). Water is a basic element of many therapeutic and love incantations and divination practices. Examples covered in this article show that water is endowed with a special magical power and is an element uniting the actional and verbal components.

Keywords: *Romanian incantations, incantation water, action component, incantation text, object component*

Author info: Ryzhova, Maria M. — Independent Researcher. E-mail: mariamih@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3530-7681>

For citation: Ryzhova, M. M. 2024. Water in Romanian Incantations and in the Incantations of the Romanian-Speaking Population of the Timok Valley. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 228–245.

Современные исследователи традиционной культуры Румынии и румыноязычного населения, проживающего за пределами страны, так же как и этнографы предыдущих поколений, в ходе этнографических экспедиций часто сталкиваются с бытованием заговорной традиции. Важным в работе этнографа является, на мой взгляд, не только фиксация текста заговора, но и наблюдение (и соответственно, фиксация) за процессом при произнесении заговорного текста. Возникает вопрос: что является опорным элементом заговора: текст или действие?

Как известно, «заговоры — это «малые» фольклорные тексты, служащие магическим средством достижения желаемого в лечебных, защитных, продуцирующих и других ритуалах». А сам ритуал заговаривания представляет собой строго регламентированное

сочетание вербального и акционального компонентов, «слова» и «дела» (Толстая 1999: 239). Заговор является, таким образом, «комплексом действий, сопровождающимся текстом» (далее — КДСТ). Акциональный компонент или как называют некоторые ученые «акциональный код» (см., например, Новик 2016: 191), в большинстве случаев включает в себя предметный компонент, который может отражаться в качестве словесного знака в тексте заговора. Получая определенные функции в заговорном процессе, вещи наделяются высоким семиотическим статусом, переходя, таким образом, из области материальной культуры в область духовной культуры (Байбурин 1981). Именно свойства предметов создают условия для развития у них разных символических значений (Виноградова 2002: 33), отражающихся в заговорных традициях.

Заговор, используемый «знающими» людьми (в основном женщинами) для достижения определенных целей, в румынском языке называется *descântec*. Синонимами являются слова *vrajă*, *farmec*, *desfacere*, *legătură*, *deslegătură*, *întoarcere*, *mânătură*, *aruncătură* и др¹. Анализ опубликованных заговоров, собранных на территории Румынии, и заговоров романоязычного населения долины реки Тимок показал, что некоторые исследователи, такие как Г. Дем Теодореску, К. Санду-Тимок, С. Гацович и В. Попович рассматривают текст как основной элемент заговора, не уделяя особого внимания ни акциональному компоненту, ни его предметному содержанию². По мнению румынского фольклориста Г. Дем Теодореску, заговоры основываются

«не столько на субстанции и используемых объектах, не на вытягивании (массировании), не на омовении (купании), а на молитвах³, обращениях или просьбах, содержащихся в „заговорах“. Непочатая вода и погашенные в ней угли, яйцо, положенное под светом звезд, корни, настоянные на вине или на дрожжевой ракии, соль, кость, тряпка, цветок, палка, с помощью которых заговаривают или колдуют, имеют вторичное значение в глазах людей, обделенных культурой: вся вера закладывается в заговор, в знание и в память заклинательницы» (Teodorescu 1885: 356)⁴.

В то же время другой румынский ученый, собиратель и исследователь фольклора Эня Ходош, утверждает, что колдовать и насылать чары (*a vrăji și a fermeca*) можно без произнесения текстов, приводя в качестве примера церемонию избавления от вурдалака, отмечая, тем не менее, что производящие эту церемонию, произносят неразборчиво какие-то слова (Hodoș 1912: 4, 5).

Виды румынских заговоров различаются в зависимости от преследуемых целей: в основном они предназначены для избавления от болезни, порчи, сглаза, привле-

¹ Все представленные термины не являются абсолютными синонимами, они обозначают разные виды заговоров, например, словом *vrajă* чаще всего обозначается колдовство, *farmec* — чары, *legătură* (дословно — «связь, завязка») обозначает магическое воздействие, близкое к чарам, слово *mânătură*, являющееся производным от слова *mână* (рука), также обозначают магическое воздействие, близкое к предыдущим терминам, слова *desfacere* и *dezlegătură* (дословно — «развязывание»), *întoarcere* или *întorsură* (дословно — «поворот, возврат») и *aruncătură* (дословно — «бросание, выбрасывание») обозначают, как правило, заговоры, направленные на избавление человека от негативного воздействия ворожбы других людей.

² Следует отметить, что для успешного магического ритуала, который является комплексом, соединяющим акциональный и вербальные коды, актуальны также темпоральный, локативный, персональный, растительный и другие культурные коды.

³ Вероятно, слово «молитва» автором использовано в значении «просьба», «обращение».

⁴ Перевод этого и других фрагментов с румынского выполнен автором статьи.

чение удачи, внимания противоположного пола, гадания (возможность увидеть суженого), удачного замужества, наказания недруга. На примерах заговоров, опубликованных румынскими исследователями, мы продемонстрируем, что в дополнение к тексту заговора включают в себя довольно сложный комплекс действий, а также предметы¹, которые играют роль связующего элемента между действием и текстом. Таким связующим элементом может выступать вода, как важнейший элемент, включенный в большое количество румынских заговоров².

Вода в румынских заговорах

Румынский этнограф А. Горовей выделяет несколько типов воды в заговорном процессе: *обычная вода* (apă ordinară), *особая вода* (apă specială), *освященная* (или *святая*) *вода* (apă sfințită, aghiazma, aiazma) и *непочатая вода* (apă neîncepută) (Gorovei 1931: 94–102).

Обычная вода — вода, встречающаяся в домашнем хозяйстве, упоминалась преимущественно в заговорах для диагностирования и лечения болезни. Так, например, в начале XX в. в коммуне Траян (с 1864 по 1950 гг. входившей в состав жудеца Романац, Олтения) с помощью *обычной воды* диагностировали удушье (înăbușeală):

«В среду и пятницу после того, как помоют посуду, берут эту воду и сливают в новую миску, в которую ложкой или расческой или веретеном еще кладут золу, три раза. Затем ставят над миской новый глиняный горшок, и, если человек действительно болен, вода из миски поднимается в горшок и начинает клокотать, так же как клокочет в животе у больного, а если вода не поднимается, у больного нет удушья. Если человек болен, то ему дают попить воды, которая поднялась» (Gorovei 1931: 94).

Особой водой называли воду, взятую из специальных мест: заброшенных колодцев, — застоявшуюся, дурно пахнущую; из места мочки льна или конопли, называемого *topilă*; из следа копыта скота; воду, оставшуюся с воскресенья; воду из

¹ Или вещества, которые мы также относим к предметному элементу.

² Отметим, что исследователи традиционной культуры и фольклора рассматривают воду прежде всего в качестве стихийного кода. Например, М. Менцей представляет воду в славянской народной космологии, как границу между миром живых и миром мертвых (Mencej 1997), Н. А. Криничная говорит о том, что архаическое мышление наделяет воду, осмысляемую в качестве первозданной стихии, вещью способностью (Криничная 2013), Л. И. Иванова, анализируя карельскую мифологическую прозу, говорит о духах-хозяевах двух природных стихий — леса и воды (Иванова 2012). Однако, по нашему мнению, используемая в акциональном элементе заговора вода предстает как предметный компонент: ее берут (набирают), льют (выливают), ставят, отдают, забирают и т. д., то есть производят действия как с другими предметами, исходя из ее физических свойств. Тем не менее в некоторых заговорах, собранных в ходе экспедиции в долину реки Тимок использование воды сопряжено с глубинным архаическим представлением о воде как о стихийном коде. Например, заговор и ритуал, описанный С. Фл. Марианом под названием „De Dênsel” в конце которого болезнь отсылается в воду, а также один из ритуалов, зафиксированный нами в ходе полевых исследований, при котором вода используется для вызова образа усопшего (ПМА 1, 2. Информант Роса Думитру, 75 лет, местная, образование — 7 классов). Однако наблюдения над процессом заговора во время полевых исследований позволил нам сделать вывод, что актеры, производящие заговор, относятся к воде, как к предметному элементу. Кроме того, сам факт стремления трансформировать (улучшить) воду для заговора с помощью других предметов (уголь, базилик и др.) или заменить ее, например, на ракию (ПМА 1. Информант Варвара Стоянович (Varvara a lu Firii), 81 год, местная, образование — 4 класса), говорит о том, что вода может утрачивать свойства стихийного кода.

бутылки, которая стояла возле перекрестка дорог; воду, в которой стояли цветы из церкви; забранную из девяти истоков рек или девяти ручьев; непочатую воду из трех источников или места, где встречаются три ручья; из святого источника; а также воду, освященную в праздник Крещение (Bobotează); из водоворота реки; воду, в которой умер детеныш змеи. Особыми свойствами, согласно народной традиции, наделялась вода, собранная в определенные дни из росы (например, в канун Дня святого Георгия, 22 апреля), а также из талого снега в праздник, называемый Драгобете (Dragobete), отмечаемый в конце февраля или начале марта (в зависимости от региона Румынии) (Marian 1899: 143; Marian 1901: 277). Такую воду использовали в заговорах от болезней глаз, для избавления от сверчков, для плодovitости жеребцов, для удачных родов буйволицы (Gorovei 1931: 95). В Марамуреше особая вода использовалась для лечения диабета, носившего народное название *ruptoare de apă* (дословно — «прерывание воды») (Ştef 2021: 320): вечером заговаривающий шел к проточной воде, к реке, читая по пути молитвы. Добравшись до реки, необходимо было почерпнуть девять раз ложкой воду из места, где вода протекает по камням и пузырится, слив затем ее в ведро или другой сосуд. Сливая в сосуд воду, необходимо было считать в обратном направлении от 9 до 1 (Bârlea 1924: 344; Gorovei 1931: 96).

Освященная (святая) вода — вода, которую священник освятил во время праздника Крещения и в которую, как правило, добавляли ветки базилика. Она использовалась, например, в лечебных заговорах (в заговорах от бельма (de albeață), от колик (de săgetătură) и др.). Такую воду могли также иногда называть «особой» водой (Gorovei 1931: 95). Исследователь Ромулус Антонеску в работе «Словарь румынских традиционных верований» пишет, что освященную во время праздника Крещения воду называют „Aghiazma (Aghiazma) Mare” («Великая агиасма»), а освященную во время службы в церкви в любой другой день — *освященной (святой)* (Antonescu 2016: 18–19).

Непочатая вода (или как ее еще называли древние римляне *aqua virgo*) по мнению А. Горовея, является водой из сосуда, из которого никто не пил. В то же время, исследователь приводит мнение епископа Геннадия Рымникского о том, что *непочатой водой* называют воду, взятую из колодца рано утром, раньше всех остальных людей. Такую воду несли домой быстро, в закрытых сосудах, не вступая ни с кем по дороге в разговор¹ (Gorovei 1931: 96). *Непочатую воду* использовали для заговоров от злых фей (de dânsese, de iele), от блох (de purici), в заговоре под названием „de babiți” (который используется при прорезывании молочных зубов у детей²) (Ghinoiu 2013: 29).

¹ В описании процесса подготовки к заговору был указан также запрет встречать кого-либо по пути, разговаривать, сморкаться, оборачиваться на обратном пути, возвращаться по той же дороге, по которой шли к колодцу или к ручью (Gorovei 1931: 97). Ограничения и запреты в отношении воды в заговорных традициях могут ходить в общее семантическое поле запретов, связанных с водой (см., например, Добровольская 2011: 50–53).

² В XIX в. считалось, что болезнь „babiți” (варианты: „bahiți” „babiță”, „baghiță” „baighiță”) встречалась у детей, у которых еще не прорезались все зубы. С этой болезнью связывали такие симптомы, как вздутие живота, боли в желудке, диарею и, как следствие, появление желтизны и потерю веса. Эта болезнь считалась смертельной, если не начать ее лечить вовремя (Marian 1886: 38).

Существует ещё один термин, применяемый к воде, которую используют в заговоре, — *заговоренная вода* (apă descântată)¹. Такая вода приготавливалась специальным образом и использовалась в различных заговорах, в основном, лечебных и от сглаза. Вода заговаривалась как заранее, так и непосредственно во время КДСТ. Например, в лечебном заговоре „din sfinte”², записанном в начале XX в. в селе Принц Фердинанд (современное название — «Тудор Владимиреску») жудеца Телеорман, в сосуд с водой клали 99 видов лесных трав, собранных в мае. Во время чтения текста заговора, воду с травами помешивали лезвием серпа. Эту воду впоследствии использовали для лечения: больному человеку выливали воду на голову, обмывали ею суставы, давали в качестве питья (*Drăghici* 1915: 17–18). В селе Жена жудеца Тимиш «заговоренной» считалась вода, которую непосредственно перед чтением текста наливали в стакан, затем клали несколько горячих угольков. После прочтения заговорного текста, этой водой поили и обмазывали заговариваемого (*Hodoș* 1912: 16). В селе Шкейя в Буковине воду для заговора от боли при прорезывании молочных зубов у детей готовили заранее: в новый, неиспользованный ранее небольшой глиняный горшок наливали непочатую воду, бросали в нее девять белых маленьких камней³, кукурузную или пшеничную крупу или муку. В понедельник, среду или пятницу утром, до восхода солнца, горшок ставился для кипения на огонь, в этот же день вода ставилась на огонь еще два раза: до полудня и перед заходом солнца (*Gorovei* 1931: 99). В работах исследователей конца XIX — начала XX в. для приготовления заговоренной воды упоминались преимущественно угли, дикорастущие травы, любисток, чеснок, ветки (прутья) лесного ореха, бузины, крупа или мука кукурузы, белые камушки, пучки соломы из кровли, зола, иголка с вдетой ниткой, на которой завязывали девять узелков. Кроме того, в процессе заговаривания воды в качестве внешних объектов (без погружения в воду) могли использоваться нож, метла, ложка, веретено, игла. Для приготовления заговоренной воды брали преимущественно непочатую воду, однако, для усиления эффекта в некоторых заговорах в заговоренную воду добавляли *особую* воду (воду от брызг на мельнице, из святого источника, из девяти источников, водоворота и т. д.) (*Marian* 1886: 344). В описании лечебных заговоров, собранных на Буковине, упоминаются и требования к емкостям, в которых заговаривали воду: «... горшочек этот должен быть новым и куплен за столько монет, сколько попросил за него горшечник, не торгуясь, считается, если ты торгуешься, то исцеления не будет» (*Marian* 1886: 35).

Процесс заговаривания воды мог начинаться у источника и заканчиваться там же, включая в себя несколько этапов. Так С. Фл. Мариан описал сложный по структуре лечебный заговор под названием „De Dênsel” (в современной орфографии — „De Dânsel”). Название „Dânsel”, обозначающее женские мифологические персонажи, происходит от личного местоимения (вежливой формы) 3 лица множественного числа женского рода — «они», в фольклорных текстах можно встретить

¹ Сравните с наговорной водой в славянской традиции.

² Под словом „sfinte” подразумеваются женские мифологические персонажи, синонимами являются слова „iele” и „dânsel”. Заговор „din sfinte” применялся для избавления от недуга неизвестного происхождения, когда человек неожиданно начинал слабеть («чахнуть») или был подвержен частой простуде. Считалось, что такие болезни насылаются этими потусторонними существами. (Сравните с представлениями о причинах болезней в русской наговорной традиции (*Мазалова* 2022: 246–265).

³ В основном использовался белый кремень, имевший народное название „sarea-mâței”, дословно «соль кошки».

также названия „Iele”, „Nemilostive”, „Iude”, „Irodițe”, „Vântoase”, „Sfinte”, „Frumoase” и др.¹. Эти эвфемизмы использовались из-за табуирования названия этих персонажей („Zâne” и „Rusalii”) (*Pamfile* 1916: 260–261). Многие заговоры в собраниях Фл. Мариана, Э. Ходоша, А. Горовея и др., носящие подобные названия, по сути являются лечебными заговорами, т. к. считалось, что некоторые недуги насылались именно этими существами. Приведенный С. Фл. Марианом заговор был предназначен для избавления человека от болезни, похожей на ревматизм. Акторы этого заговора (как заговаривающий, так и заговариваемый) выполняют действия, закрепленные за определенными этапами. Заговор включает в себя пять связанных между собой акциональных этапов и два текста: первый этап содержит действия по забору воды: на этом этапе женщина, заговаривающая болезнь, идет к реке с куском хлеба, куском соли и с небольшим новым ведерком или горшком в правой руке. Клянясь три раза против течения воды, женщина произносит следующие слова: «Проточная вода / я тебе заповедую / хлебом и солью / Исцели имярек / с головы до ног / С исцелением / Здоровья и жизни!», затем бросает отломленный от хлеба и соли кусок в волны (рябь) реки, набирает в ведерко (или горшок) немного воды, которая протекает над брошенными в реку хлебом и солью. Затем женщина должна идти вверх по реке и в трех местах поклониться по три раза, произнося приведенный выше текст и так же набирать в сосуд воды. Этот процесс женщина должна осуществлять в полном одиночестве, возвращаться домой молча и не оглядываясь. Второй этап заговора происходит в доме — процесс заговаривания воды осуществляется с использованием пучка базилика и привязанной к нему серебряной монеты, в которой предварительно проделывали дырочку и протягивали нитку. На этом этапе произносится основной текст заговора. В процессе произнесения текста в воду бросали девять горячих углей от букowego дерева.

Приведем часть заговорного текста:

Voi harnicelor de voi,	Вы, труженицы,
Voi, vetezelor de voi!	Вы, отважные!
Pe unde mi-ați mai âmblat?	Где же вы еще ходили?
Spuneți-mi ce-ați mai stricat? ...	Что же вы сотворили?
Pe George l-ați întâmpinat,	Георге вы встретили,
Puterea voi i-ați luat	Его силу забрали
Și viața i-ați scurtat	И жизнь ему сократили
Și din om frumos	И из красавца
Voi l-ați făcut ros	Сделали из него изморенного
Și putregăios,	Плюгавца,
De tot uricios:	Отвратительного:
Din voinic fecior	Из молодца
Ca pe un fuior	Как кудель

¹ Название „Iele” также происходит от личного местоимения 3 лица множественного числа (ele) — «они», „Iude” и „Irodițe” — восходят к именам собственным, остальные названия произошли от прилагательных (женского рода, множественного числа), „Nemilostive” — «немилосердные», «безжалостные», „Vântoase” — «ветренные», „Sfinte” — «святые», „Frumoase” — «красивые».

De cânepă voi l-ați biciulat,
 De-o parte de drum l-ați aruncat,
 Ca pe om mort l-ați lăsat.
 Voi, harnicelor de voi,
 Voi, vitezelor de voi!
 Strângeți-vă toată viața
 Și semënța
 Într'această apă sfântă,
 Care se cântă
 Și se descântă.
 Să-i aduceți lui George sănătate
 Să mi-l scuturați de moarte,
 Să-i aduceți sănătate lui,
 Și viața lui.
 De ochi să mi-l descrunțați,
 De cap să mi-l deșteptați,
 De picioare-l despiedicați,
 De mâni să mi-l deslegați,
 Puterea înapoi să-i dați! ...
 Ear de nu vă veți strânge
 Și de nu vă veți stânge
 În această apă sfântă,
 Care mi se cântă
 Și mi se descântă
 Toată vița
 Și semënța, —
 Cu mătură de busuioc mătura-v'oiu,
 Cu bani de argint răteza-v'oiu,
 In gura unui fideleș înfunda-v'oiu,
 Sub naltu ceriului arunca-v'oiu,
 Să vă ploaie ploile,
 Să vă bată vânturile,
 Să vă'nghețe gerurile,
 Să pieriți,
 Să ve izăriți
 Ca roaus de soare,
 Ca stupitu'n cărare !¹

Из конопли выбили,
 От дороги отбросили,
 Как мертвеца оставили,
 Вы, труженицы,
 Вы, отважные!
 Соберите всю свою жизнь
 И семя
 В эту *святую воду*,
 Которая будет говорить (петь)
 И заговаривать.
 Дайте (принесите) Георге здоровья
 Избавьте его от смерти,
 Отдайте ему его здоровье,
 И жизнь его.
 Проясните глаза его,
 Пробудите разум его,
 Снимите путы с ног его,
 Развяжите руки его,
 Верните силу его! ...
 А если вы не соберетесь
 И не погаснете
 В этой *святой воде*,
 Которая будет говорить (петь)
 И заговаривать.
 Всю поросль
 И семя, —
 Пучком (метелкой) *базилика* вас смету,
Серебряными монетами пресеку (отрежу),
 В горлышко бочонка я вас впихну,
 Высоко в небо вас подкину,
 Пусть дожди вас обливают,
 Пусть ветры вас сбивают,
 Пусть морозы вас морозят,
 Сгиньте,
 Пропадите,
 Как роса от солнца,
 Как плевков на тропинке!

Третий этап содержит непосредственное воздействие на больного: после того, как в воде угли гасли, воду выливали на голову больному и обмывали его от макуш-

¹ Текст приведен в оригинальном виде, с орфографией и пунктуацией текста источника (см. подробнее: *Marian* 1886: 88–91).

ки до лодыжек. Оставшуюся воду ставили на лавку перед иконами. На четвертом этапе, больной, используя заговоренную воду, должен продолжить лечение самостоятельно в течение трех дней (со вторника по четверг). В заключительный, пятый этап, который осуществлялся в четверг вечером, больной должен пойти к местам, куда заговаривающая на первом этапе бросала хлеб и соль, и вылить остатки воды из сосуда именно в те места, откуда была начерпана вода. Возвращаясь домой, человек, на которого был направлен лечебный заговор, так же как и заговаривающая не должен ни с кем разговаривать и оборачиваться.

Вода в этом заговоре играет ключевую роль, являясь инструментом очищения, избавления от болезни, присутствуя в каждом этапе заговора, она постепенно меняет свои характеристики: *проточная* вода трансформируется в *особую* воду (взятую из особого места), затем, проходя этап сакрализации, становится *заговоренной* водой, после чего, замыкая круг, опять превращается в *проточную* воду. Во время забора в текстовом заклинании воду называют «проточной», в основном тексте заговора, её называют «святой» водой. Основной (читаемый на втором этапе) и вспомогательный (читаемый при заборе воды в сосуд) тексты заговора коррелируют с выполняемыми действиями, обнаруживая непосредственную связь между вербальным и акциональным компонентами. Предметы, участвующие в действии заговора (ветка базилика, серебряная монета), фигурируют и в тексте: «Пучком (метелкой) *базилика* вас смету, / *Серебряными монетами* пресеку ...». Горящие угли, участвующие в действии, символизируют болезнь. Они не упоминаются напрямую в тексте, однако их присутствие имплицитно заложено во фрагменте, в котором заговаривающий призывает болезни «погаснуть в этой святой воде»¹. Завершенность заговору придает наделение объекта заговора субъектными функциями на двух заключительных этапах и возвращение воды в ее первичное состояние. Отметим, однако, что заговариваемый, совершая действия на четвертом и пятом этапах не произносит текстов, воспроизведение текстов осуществляет исключительно заговаривающий.

Используемую в заговорах воду нельзя было более употреблять, т. к. считалось, что в процессе заговора вода вбирает в себя недуг человека: ее выливали в укромное место, чтобы никто не мог наступить, и чтобы недуг не передался другому человеку. После заговора от сглаза воду могли сливать за петли входной двери, на чертополох, на изгородь или на один из колов изгороди. Такую воду могли вылить на кошку или собаку, чтобы те вынесли недуг за пределы двора, в далекое место, недоступное человеку. Из злого умысла такая вода могла быть вылита украдкой перед дверью недруга (*Gorovei* 1931: 100–101).

Вода также использовалась в многочисленных заговорах, связанных с определенными календарными праздниками. Например, заговор, зафиксированный Никулицэ-Воронка в селе Камена в исторической области Буковина, который практиковался в ночь св. Андрея (с 29 на 30 ноября). В нем заговоренная вода имела двойственный характер: она могла как нанести вред (если выплеснуть ее под ноги человеку), так и исцелить (если напоить ею и обмыть человека) (*Niculiță-Voronca* 1998: 491; *Рыжова* 2023: 224). В праздники св. Андрея (30 ноября) и св. Георгия (23 апреля) практико-

¹ Горящие угли преимущественно используют в лечебных заговорах, заговорах от сглаза и в любовных заговорах. Горящие угли, скрывающие огонь, входят в одно семантическое поле с понятием «огонь». Огонь в румынской символической системе имеет амбивалентный характер: с одной стороны, огонь символизирует жизнь, созидательную силу, любовь, очищение, с другой — разрушительную силу (*Evseev* 2007: 75, 152).

вались гадания «на суженого/суженую». Примером могут служить заговоры в день св. Георгия, описанные С. Фл. Марианом. В одном из заговоров девушка или парень идут с небольшой бутылкой (uiağă) к месту, где соединяются два источника, зачерпывают три ложки воды, сливают их в бутылку, еще три ложки черпают там, где вода разворачивает свое течение, и три ложки из сосуда, который выставляют в полдень во двор и в которой должно было отразиться солнце. Заговариваемый должен был посмотреть в нее и произнести следующие слова: «Как я вижу солнце, так и я буду виден, и как сверкает на небе солнце, так и я буду сверкать для Н.». Затем воду из бутылки сливали в миску, которую помещали на очаг, клали в нее три цветка из трех садов, три прутика вербы (выбирались те, которые склонялись и касались воды), немного соли и хлеба. При звуке церковного колокола перед первой литургией цветы и прутики вынимались и произносились слова заговора:

Cum trage mărtinosul la sare,	Как тянутся цветки вербы (?) к солнцу,
Flămândul la mâncare,	Голодный — к еде,
Setosul la apă,	Испытывающий жажду — к воде,
Cum nu póte lumea	Как не могут люди
Fără pită, fără sare,	Без хлеба, без соли,
Făr'lumină, făr'mâncare,	Без света, без еды,
Cum s'aũ bătut jorditele în apă	Как бьются прустья в воде
Điua, nóptea,	Днем и ночью,
Cum aũ înflorit aste florĩ în [grădină],	Как расцвели эти цветы в [саду],
Așă să trăgă,	Так пусть тянется,
Așă să nu póťă	Так пусть не сможет
Fi N. făr'de mine!	Быть N. без меня!
Și să fiũ la N.	И будет N.
Și la tótă lumea vėđută,	И все люди смотреть на меня,
Înflorită,	Расцветшую,
Frumósă	Красивую
Și drăgăstósă ! ¹	И любимую!

После произнесения заговора воду со всем содержимым миски сливали в бутылку и хранили несколько дней. Каждый день заговариваемый должен был умываться этой водой, а также опрыскивать ею внутри и снаружи дома (Marian 1901: 272–273). В этом заговоре мы, так же, как и в заговоре от болезни из собрания С. Фл. Мариана 1886 г., наблюдаем параллелизм вербального и акционального кодов: цветки, прутики, хлеб, соль и вода присутствуют как в акциональном, так и в вербальном компоненте заговора. Однако вода в акциональном компоненте имеет преимущественное значение, на ней сконцентрировано внимание всего заговорного цикла.

Вода занимает центральное место в традиционных практиках, связанных с кануном дня св. Георгия, называемого в Румынии „Împrouatul”. Этот праздник занесен в перечень нематериального культурного наследия Румынии. Само слово „împrouat”, (субстантивированное причастие), вероятнее всего происходит от регионализма „próur” (существует также вариант „próor”), существительного среднего рода, обозначающего «время дня (раннее утро), когда овцы выходят на пастбище» (DEX 2009). С. Фл. Мариан в своей работе «Праздники у румын» выделяет 4 значения этого слова: 1) время дня, а именно утро, когда земля покрыта росой; 2) канун празд-

¹ Текст приведен в оригинальном виде, с орфографией и пунктуацией текста источника (см. подробнее: Marian 1901: 272–273).

ника св. Георгия; 3) окропление, покрывание каплями, увлажнение; 4) лейка (*Marian* 1901: 276–277). В этот день в Буковине девушки выходили рано утром в поле, чтобы умыться росой, считалось, что таким образом приобретали привлекательность у противоположного пола¹². Теми же свойствами наделялась вода в канун дня св. Георгия: девушки ходили купаться, либо совершали более сложный комплекс действий, напоминающий уже описанный выше акциональный компонент лечебного заговора: утром до восхода солнца, с хлебом и солью девушка шла к реке или ручью, производила короткое заклинание (приговор): „ — Bună diminéța, / Apă lină și curată, / De Dumneđeū sfintul dată! — Mulțumescu-ți d-tale, / Mândră și cinstită față!” (« — Доброе утро, / тихая и чистая вода, / Господом святым дана! / — Благодарю тебя, девица красна и честна!»). После этого, бросив хлеб и соль в ручей и набрав рукой воды, девушка обмывала лицо, произнося следующий текст:

— Apă curat-curgătoare!

Eū îți dau pâne și sare,

Ia tu curățesce-mă:

De ură,

De gură

Și de făcătură,

De strigări,

De căscări.

Și de ori-ce aruncări;

Curăță-mă de ori-ce urî

Și de ori-ce făcături

De pe mâni, de pe picioare,

Să rămân eū ca o flóre,

Ca o floriceă frumoasă

Pe care toți o mirósă!

— Вода чистая-проточная

Я даю тебе хлеб и соль,

А ты очисти меня:

От ненависти,

От слова

И от чар,

От криков (?)

От зевоты

И от любой порчи;

Очисти меня от любой ненависти

И от любой чары

С рук, с ног,

Чтобы стала я как цветок,

Как красивый цветок

Которым все любятя!

После произнесения этих слов, девушки набирали воды в сосуд, несли домой и ставили между цветов. Этой водой умывались, обтирали иконы, входную дверь (*Marian* 1901: 277–278).

Вода в заговорах романоязычного населения долины реки Тимок

Романоязычное население восточной Сербии, носители говоров румынского языка, проживающие на территории округов Браничево, Бор, Заечар и Поморавлье — долине Тимока) имеет давнюю заговорную традицию. Большинство текстов заговоров, зафиксированных на территории восточной Сербии, находят свои соответствия среди текстов, бытовавших в то или иное время на территории Румынии, в различных ее областях и за ее пределами, в зонах проживания румыноязычного

¹ Сравните: «Юрья» или «Юрьева» роса в славянской традиции: на Юрьев день в целях приобретения красоты, здоровья, для избавления от бесплодия существовал обычай умываться росой, выпавшей на Юрьев день (полес. укр., бел.; словац., болг. и т. д.) (*Трефилова* 2012: 604). Похожие магические свойства также приписываются Ивановской росе (*Виноградова, Толстая* 2009: 473).

² Следует отметить, что семантически близкая к воде лексема роса, часто встречается в текстах лечебных заговоров, в основном в сравнительных оборотах закрепков (т. е. магических формул в конце заговора, призванных придать словам силу и действенность), где она может символизировать чистоту/обновление, например: „să ramâie (să ramână) curat / ca steaua din cer luminat, / și ca roua din câmp” (Пусть остается чист / светел, как звезда на небе / и как роса в поле) (*Gorovei* 1931: 217).

населения (например, в Северной Буковине и Бессарабии), т. е. входят в ареал распространения румынских заговорных текстов (Рыжова 2023: 146). Наиболее полными на сегодняшний день собраниями заговоров этого региона являются работы К. Санду-Тимока (*Sandu Timoc* 1967), С. Гацовича и В. Попович (*Gacović, Popović* 2022). В фокусе внимания авторов находится вербальный компонент заговоров. Однако, если К. Санду-Тимок включил в свою работу «Старинные песни и дойны» исключительно заговорные тексты, работа С. Гацовича и В. Попович содержит все же краткое описание комплекса действий заговоров. Из 29 текстов заговоров¹, собранных К. Санду Тимоком в первой половине XX в., лексема «вода» (ара) встречается лишь в трех текстах, еще в восьми текстах собрания фигурируют лексемы, входящие в понятийное поле «вода»: mare (море), rââu (ручей), fântână (колодец), lac (озеро), goaï (роса), a scâlđa (купать, омыwać) (*Sandu Timoc* 1967: 38–59), тем не менее, лишь в одном из них водная стихия играет семантически значимую роль в тематической организации текста заговора. Речь идет о заговоре, читаемом для поиска украденного скота, в котором река Тимок наделяется магическими свойствами, способными помочь человеку найти утраченных домашних животных (*Sandu Timoc* 1967: 58–59).

В текстах, приведенных в обобщающей работе С. Гацовича и В. Попович, лексема «вода» встречается в 56 из 264 текстов (*Gacović, Popović* 2022. III: 8–352)². Вода в заговорах собрания С. Гацовича и В. Попович может иметь как вспомогательную функцию, использоваться наряду с другими предметами: „Cu tãmîiîne o tãmîñai, / Cu usturoi o usturai, / Cu ară o spălai, / Da cu acu o-ñărai ... («Ладаном её окуривал(а), / Чесноком её намазывал(а), / Водой её умывал(а), / Да иглой её колол(а)», так и основным действующим лицом, к которому обращаются в зачине текста заговора: „Vună zăua ară mare. Muļămesec Marija frumoasă. Şez pe scaun de mătasă...” (Добрый день, великая вода. Спасибо, красавица-Мария. Садись на шелковый стул ...). О том, что вода является основным «заговорным инструментом», говорят названия некоторых

¹ Тексты были собраны К. Санду-Тимоком в селах Ваюга, Велика Врбица, Речица, Велика Каменица (муниципалитета Кладово), Породин (муниципалитета Жабари), Поляна (муниципалитета Пожаровац), Александровац (Злокуня) и Ковилово муниципалитета Неготин, в городе Заечар, а также на территории современной Болгарии, в селе Флорентин Видинской области.

² В работе С. Гацовича и В. Попович приведены тексты из разных источников: как собранные С. Гацовичем в ходе этнографических экспедиций в конце XX — начале XXI в., так и опубликованные ранее другими исследователями (например, румынскими исследователями начала XX в. Эмилем Петровичем и Ионом Патруцем, а также современными сербскими исследователями, такими как Пауном Ес Дурличем и Филипом Паунеловичем). Тексты из собрания Иона Патруца были записаны в мае 1941 г. в лагерях для военнопленных, находящихся в селах Мошница, Буковэц, Ремтя-Маре рядом с г. Тимишоара (Румыния), в которых содержались румыноговорящие югославские военнослужащие; имена информантов и названия сел И. Патруц не привел сознательно, однако в публикации 1942 г. вместе с текстами были приведены краткие описания действий заговоров, которые не вошли в работу С. Гацовича и В. Попович (*Pătruț* 1942: 329; *Gacović, Popović* 2022. I: 89–101). Тексты из коллекций Пауна Ес Дурлича и Филипа Паунеловича были собраны исследователями в основном в селах коммуны Майданпек. Тексты, собранные С. Гацовичем, были записаны в селах Халово, Градсково, Любница, Шипиково общины Заечар; Злот, Метовница, Подгорац, Слатина, Кривель, Лука коммуны Бор; Оснич, Подгорац коммуны Болевац; Милановац, Креполин коммуны Жагубица; Бигреница, Исаково коммуны Чуприя; Ртково, Подвршка коммуны Кладово; Кобишница, Прахово, Самаринавац, Ябуковац коммуны Неготин; Рановац коммуны Петровац. Для расшифровки текстов Славолуб Гацович использовал не стандартный алфавит румынского языка, а систему знаков, разработанную Международной фонетической ассоциацией (AFI (APHI)), а также систему, используемую в Румынском лингвистическом атласе (ALR).

заговоров: ”Apă de sîrbător¹” («Вода праздников»)¹, ”Apă de vîntur²” («Вода от ветров»)², ”Apă de urăciună³” («Вода от неприязни»)³, ”Ара lu Dumnezeu” («Вода Господа»). При этом, в одном из заговоров «Вода от праздников» лексема *вода* фигурирует лишь в названии, без упоминания в самом тексте, но присутствует в кратком описании предметного компонента заговора: „Să fașe cu mișere dă stup și cu apă, busuioc și tamîne” («... Делается с медом из улья и водой, базиликом и ладаном») (*Gacović, Popović* 2022. III: 33–34, 324).

Рис. 1. Предметы, используемые в заговорном процессе. ПМА 2020.
Фото М. М. Рыжовой

troc de troacă...» (Рис. 1). В тексте заговора, который читается три раза, исцеляющая вода происходит из места, называемого в тексте «река Иордан». Водой, которая была использована в заговоре, обмывают больного, опрыскивают и смазывают лоб, глаза,

Ряд текстов и описаний ритуалов заговоров, собранных в ходе экспедиций восточную Сербию в 2018 и 2019 гг. в селах Шипиково, Гамзиград (общины Заечар Заечарского округа) и село Ябуковац (общины Неготин Борского округа), также содержат упоминание воды. Один из заговоров под названием „Ара lu Dumnezeu” («Вода Господа»), записанный в селе Шипиково 12.04.2018 от информантки Варвары Стоянович, по словам респондента «имеет большую силу» и используется в тех случаях, когда человек неизлечимо болен и уже не может встать⁴. После прочтения текста и совершения ритуальных действий, в течение трех дней больной либо выздоравливает, либо умирает. По словам информантки, с помощью этого заговора ей удалось вылечить лежачих больных, находящихся на грани смерти (ПМА 2018). В предметные компоненты акционального элемента этого заговора вошли базилик, освященная (?) вода и сосуд (ковшик) из тыквы-горлянки: „Se face cu busuioc, ара cinșită (sfințită?) și

¹ Заговоры под названием «Вода от праздников» произносились в том случае, если заговариваемый считал, что недуги, от которых он страдал, возникли из-за того, что он работал в праздничные дни.

² Среди романоязычного населения Сербии, так же как и в Румынии бытовало поверье, что встреча с ветрами могла нанести вред человеку, если тот нечаянно наступит на ветры и потревожит их (*Hodoș* 1912: 66; *Gacović, Popović* 2022. III: 325).

³ Возможно слово ”urăciună(e)” является дериватом от глагола ”a urî”, имеющее номинативное значение «ненавидеть» и региональное значение — «терять любовь, симпатию». Исходя из того, что текст заговора был отнесен авторами в раздел «Заговоры против мифологических существ», можно предположить, что он был направлен на то, чтобы заговариваемый восстановил привлекательность в глазах окружающих, которую он потерял после воздействия потусторонней силы.

⁴ Информант Варвара Стоянович (Varvara a lu Firii), 81 год, местная, образование — 4 класса.

руки и т. д. Вода как основной предметный компонент используется также в заговоре под названием „Întorsură” (обратное действие, возвращение). Варвара Стоянович, описывала действия и предметы таким образом: „Să (se) întorci cu apă și cu busuioc și cu mătură. Cu apă pui trei boabe de tămâie, trei vârfuri de ardei și o țără (de) sare. Apa așa întorci. Descânți cu busuiocul în sticlă și zici ...” (Возвращай (заговаривай) с водой и с базиликом и с метлой. В воду кладешь три кусочка ладана, три перчика и немного соли. Воду так размешивай (показывает). Зачин текста заговора содержит обращение к воде субъекта заговора: „Bună ziua, apa mare!” (Добрый день, великая вода!), а в самом тексте описывается действие, необходимое для избавление от недугов — омовение объекта заговора: „Să-i speli fața, pe brață, pe alba pteliță, pe neagra cosâță ..., să-i speli de răutăți, de greutăți.. ” (Омой ее лицо, руку, белую кожу, черную косу..., смой с нее зло и тяжесть ...). В другом варианте заговора „Întorsură”, записанного от информантки Росы Думитру¹ в селе Гамзиград (общины Заечар Заечарского округа) предметный компонент, используемых в ритуальных действиях, совпадает частично: вода, базилик, нож, ладан. Добавляется этап, на котором объект заговора (заговариваемый), не произнося вслух имени человека, которого он подозревает в нанесении порчи, в уме называет его в то время, когда субъект заговора (заговаривающий) бросает в воду кусочек ладана (Рис. 2). Если при произнесении имени ладан идет ко дну, значит, тот человек, чье имя было произнесено в уме заговариваемым, заведомо причинил человеку вред (нанес порчу), а значит, «возврат» недуга будет именно этому человеку. Та же информантка использовала воду в ритуале «вызова покойника», где усопший, с которым хотели поговорить родственники с помощью Росы, должен отразиться в воде (ПМА 2018; ПМА 2021).

Рис. 2. Процесс заговаривания воды. С. Гамзиград (общины Заечар Заечарского округа). Апрель 2018 г. Фото М. М. Рыжовой

Заключение

Вода может рассматриваться не только как стихийный код, отражающийся преимущественно в поэтизированном виде в тексте заговора, а в более узком, утилитарном смысле — в качестве предметного компонента, сопровождающего действие заговора, в котором прежде всего используют её свойства (например, текучесть, способность отражать предметы) и основную функцию — очистительную. Вода, как предметный компонент заговоров, зафиксированных на территории проживания румыноязычного населения (в Румынии и за ее пределами), появляется прежде все-

¹ Информант Роса Думитру, 75 лет, местная, образование — 7 классов.

го в лечебных заговорах и заговорах, направленных на избавление от негативного воздействия. В таких заговорах вода выполняет очищающую функцию, способную взять на себя болезнь человека.

Обращают на себя внимание схожесть представления о воде, наделенной функцией «устранения недуга», с мотивом русской заговорно-заклинательной традиции, встречающимся также в Левобережной Украине, в некоторых центральноукраинских регионах и в восточной Белоруссии (*Агапкина* 2010: 231; *Кузнецова* 2013: 67), а также общие со славянской традицией практики повышения сакральной силы воды, связанные с местами сбора воды, соблюдением особых условий и запретов, добавлением в воду предметов и растений (см. подробнее: *Виноградова* 1995: 386–387).

В целом, предметный компонент является важным элементом заговора, однако, имея для анализа лишь вербальный компонент, невозможно определить его значение в КДСТ (что демонстрирует анализ текстов из собрания К. Санду Тимока). И лишь комплексное описание этнографами ритуалов и текстов позволяют изучить феномен заговора как элемента духовной традиционной культуры. Следует отметить, что в собранных нами заговорах, параллелизм между вербальным и акциональным компонентами может нарушаться. Например, в некоторых текстах упоминание воды отсутствует, однако присутствует в акциональном компоненте, что говорит о сложной интерференции текста и действия в заговорной практике румын и румыноговорящего населения Европы.

Перспективным направлением для будущего исследования является сравнительный анализ символики воды в славянской и румынской заговорных традициях, выявление общих (универсальных) черт и индивидуальных особенностей.

Сокращения

КДСТ — комплекс действий, сопровождающийся текстом

ЛЕ — лексическая единица

Источники и материалы

ПМА 2018–2021 — Рыжова М. М. г. Заечар, с. Шипиково, Гамзиград, Грлян, Шливар общины Заечар Заечарского округа, г. Неготин, с. Ябуковац общины Неготин Борского округа (Сербия). Полевые материалы автора. 2018–2021.

Antonescu 2016 — *Antonescu R.* Dicționar de simboluri și credințe tradiționale românești. Iași: Tipo Moldova. 2016. 1314 p.

Bârlea 1924 — *Bârlea I.* Cântece poporane din Maramureș. Descântece, vrăji, farmece și desfaceri. Vol. II. București: Editura Casei Școalelor. 1924. 400 p.

DEX 2009 — DEX. Dicționarul explicativ al limbii române. București: Univers Enciclopedic, 2009.

Drăghici 2008 — *Drăghici Fl. A.* Boli la oameni, leacuri și descântece // „Ion Creangă” Vaslui: Ediție Anastatică. Vol. VII (anul 1915). 2008. P. 16–20.

Evseev 2007 — *Evseev I.* Dicționar de Simboluri. București: VOX. 2007. 480 p.

Gacović, Popović 2022 — *Gacović S., Popović V.* Literatura populară a românilor din Serbia de Răsărit, Vol. I, III. Timișoara: Editura Universității de Vest din Timișoara. 2022. 369 p., 376 p.

Ghinoiu 2013 — *Ghinoiu I.* Mitologie română: dicționar. București: Editura Univers Enciclopedic Gold. 2013. 351 p.

Gorovei 1931 — *Gorovei A.* Descântecetele românilor. Studiu de folclor. București: Regia M. O., Imprimeria națională. 1931. 424 p.

Hodoș 1912 — *Hodoș E.* Descântece. Sibiu: Editura “Asociațiunii”, Tipografia arhidiecezană. 1912. 73 p.

- Marian* 1886 — *Marian S. Fl.* Descântece poporane române. — Suceava: Tipografia lui R. Eckhardt în Cernăuț. 1886. 354 p.
- Marian* 1899 — *Marian S. Fl.* Sărbătorile la români. Studiu etnografic. Vol. II. București: Edițiunea Academiei Române. Institutul de Arte Grafice Carol Göbl. 1899. 310 p.
- Marian* 1901 — *Marian S. Fl.* Sărbătorile la români. Studiu etnografic. Vol. III. București: Edițiunea Academiei Române. Institutul de Arte Grafice Carol Göbl. 1901. 346 p.
- Niculiță-Voronca* 1998 — *Niculiță-Voronca E.* Datinele și credințele poporului român adunate și așezate în ordine mitologică. Vol. I. București: Editura Polirom. 1998. 502 p.
- Pamfile* 1916 — *Pamfile T.* Mitologie românească. Dusmani și prieteni ai omului. V. I. București: Editura Librariile Socec & Comp, Sfetea. 1916. 400 p.
- Pătruț* 1942 — *Pătruț I.* Folclor de la românii din Sârbia // Anuarul arhivei de folclor. VI. București: Academia română. 1942. 329–384.
- Sandu Timoc* 1967 — *Sandu Timoc C.* Cîntece bătrînești și doine. București: Editura pentru literatură. 1967. 510 p.
- Șăineanu* 1929 — *Șăineanu L.* Dicționar universal al limbei române. Editura Scrisul Românesc, 1929.
- Ștef* 2021 — *Ștef D.* Dicționar de regionalisme și arhaisme din județul Maramureș. Cluj-Napoca: Casa Cărții de Știință. 2021. 447 p.
- Teodorescu* 1885 — *Teodorescu G. Dem.* Poesii populare române. — București: „Tipografia modernă” Gregorie Luis. 1885. P. 356–398.

Научная литература

- Агапкина Т. А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.
- Байбурин А. К.* Семиотический статус вещей и мифология // Сборник Музея антропологии и этнографии / отв. ред. Б. Н. Путилов. Т. 37. Л.: Наука, 1981. С. 215–226.
- Виноградова Л. Н.* Вода // Славянские древности: этнолингвистический словарь / ред. Н. И. Толстой. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 386–390.
- Виноградова Л. Н.* Та вода, которая... (Признаки, определяющие магические свойства воды) // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2002. С. 32–60.
- Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Роса // Славянские древности: этнолингвистический словарь / ред. Н. И. Толстой. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 470–474.
- Добровольская В. Е.* Запреты и предписания, связанные с хождением за водой (по материалам Владимирской области) // Живая старина. 2011. № 1. С. 50–53.
- Иванова Л. И.* Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Часть 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2012. 557 с.
- Криничная Н. А.* Прорицания воды / водных божеств в севернорусской мифо-ритуальной традиции // Религиоведение: Научно-теоретический журнал. 2013. № 1. С. 14–25.
- Кузнецова Е. П.* Символика воды в русских заговорах // Традиционная культура. 2013. № 1(49). С. 67–72.
- Мазалова Н. Е.* Болезни и способы избавления от них в традиционных и современных лечебно-магических практиках русских (Русский Север, Северо-Запад) // Вестник антропологии. 2022. № 4. С. 246–265. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2022-4/246-265>
- Новик А. А.* Акциональный код знахарских практик албанцев и гагаузов Приазовья: по материалам экспедиций 1998–2012 годов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 3. С. 191–199.
- Рыжова М. М.* День святого Андрея в Румынии: церковный, народный и гражданский календари // Кунсткамера. 2023. № 1(19). С. 218–229.
- Рыжова М. М.* Определенное и неопределенное пространство в румынских заговорных текстах // Определенность и неопределенность в языках и культурах Балкан / отв. ред. И. А. Се-

- дакова. М: Институт славяноведения РАН, Балканские чтения 17, 2023. С. 146–151.
- Толстая С. М. Заговоры // Славянские древности: этнолингвистический словарь / ред. Н. И. Толстой. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 239–244.
- Трефилова О. В. Юрьев день // Славянские древности: этнолингвистический словарь / ред. Н. И. Толстой. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 601–607.
- Mencej M. Pomen vode v predstavah starih Slovanov o posmrtnem življenju in šegah ob smrti. Ljubljana: Slovensko etnološko društvo, 1997. 185 p.

References

- Agapkina, T. A. 2010. *Vostochnoslavjanskije lecebny'e zagovory' v sravnitel'nom osveshhenii. Syuzhetika i obraz mira* [East Slavic Healing Conspiracies in Comparative Coverage. Plot and Image of the World]. Moscow: Indrik. 824 p.
- Baiburin, A. K. 1981. Semioticheskkii status veshchei i mifologiiia [Semiotic Status of Things and Mythology]. In *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii 37* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography 37], ed. by B. N. Putilov. 215–226.
- Dobrovolskaia, V. E. 2011. Zaprety i predpisaniia, sviazannye s khozhdeniem za vodoi (po materialam Vladimirskaia oblasti) [Prohibitions and Regulations Related to Water Fetching (Based on the Materials of the Vladimir Region)]. *Zhivaia starina* 1: 50–53.
- Ivanova, L. I. 2012. *Personazhi karel'skoi mifologicheskoi prozy. Issledovaniia i teksty bylichek, byval'shchin, poverii i verovanii karelov* [Characters of Karelian Mythological Prose. Studies and Texts of Bylichkas, Byvalshchinas, and Beliefs of the Karelian Peoples]. Part 1. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke. 557 p.
- Krinichnaia, N. A. 2013. Proritsaniia vody / vodnykh bozhestv v severnorusskoi mifo-ritual'noi traditsii [Prophecies of the Water / Water Deities in the North-Russian Mythological-Ritual Tradition]. *Religiovedenie: Nauchno-teoreticheskii zhurnal* 1: 14–25.
- Kuznetsova, E. P. 2013. Simvolika vody v russkikh zagovorakh [Symbolism of Water in Russian Spells]. *Traditsionnaia kul'tura* 1: 67–72.
- Mazalova, N. E. 2022. Bolezni i sposoby izbavleniia ot nikh v traditsionnykh i sovremennykh lecebno-magicheskikh praktikakh russkikh (Russkii Sever, Severo-Zapad) [Diseases and Ways to Treat Them in Traditional and Modern Medical and Magical Practices of Russians (Russian North, NorthWest)]. *Vestnik Antropologii* 4: 246–265. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2022-4/246-265>
- Mencej, M. 1997. *Voda v predstavah starih Slovanov o posmrtnem življenju in šegah ob smrti* [Water in the Conceptions of the Ancient Slavs about Life after Death, In Folk Narratives on Death]. Ljubljana: Slovensko etnološko društvo. 185 p.
- Novik, A. A. 2016. Aktsional'nyi kod znakharskikh praktik albantsev i gagauzov Priazov'ia: po materialam ekspeditsii 1998–2012 godov [Actional Code of Magic Practices of Albanians and Gagauz of Azov Region: Based on the Materials of Expeditions in 1998–2012]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvistikheskikh issledovaniia* 12 (2): 191–199.
- Ryzhova, M. M. 2023. Den' sviatogo Andreia v Rumynii: tserkovnyi, narodnyi i grazhdanskii kalendari [Saint Andrew's Day in Romania: Ecclesiastical, Folk and Civil Calendars]. *Kunstkamera* 1 (19): 218–229.
- Ryzhova, M. M. 2023. Opredelennoe i neopredelennoe prostranstvo v rumynskikh zagovornykh tekstakh [Definite and Indefinite Space in Romanian Spells]. In *Opredelennost' i neopredelennost' v iazykakh i kul'turakh Balkan* [Definiteness and Indefiniteness in the Languages and Cultures of the Balkans], ed. by I. A. Sedakova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, Balkanskije chteniia 17. 146–151.
- Tolstaia, S. M. 1999. Zagovory [The Incantations]. In *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvistikheskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoi. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 2. 239–244.
- Trefilova, O. V. 2012. Iur'ev den' [George's Day]. In *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvistikheskii*

- slovar'*, ed. by N. I. Tolstoi. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 5. 601–607.
- Vinogradova, L. N. 1995. Voda [Water]. In *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoi. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 1. 386–390.
- Vinogradova, L. N. 2002. Ta voda, kojaia... (Priznaki, opredeliaiushchie magicheskie svoistva vody) [That water that... (Attributes Determining the Magical Characteristics of Water)]. *Priznakovoe prostranstvo kul'tury*. Moscow: Indrik. 32–60.
- Vinogradova, L. N., and S. M. Tolstaia. 2009. Rosa [Dew]. In *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoi. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4. 470–474.